

УДК 904

А.М. Мурыгин

Институт языка, литературы и истории

Коми научного центра УрО РАН

ул. Коммунистическая, 26, Сыктывкар, 167982, ГСП-2, Россия

E-mail: asweb.hist@ksc.komi.ru

ЭШМЕССКОЕ ПЕЩЕРНОЕ СВЯТИЛИЩЕ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В ПЕЧОРСКОМ ПРИУРАЛЬЕ

В статье рассматривается уникальный исторический источник – жертвенное место X–XI вв. н.э. в Эшмесской пещере в бассейне р. Печоры. Найдены монетами, серебряными изделиями с золочением и граффити, зоо- и антропоморфным декором, наконечниками стрел, костями животных и деревянными изваяниями-идолами. Комплекс металлических поделок из пещеры реконструируется как целенаправленно подобранный культовый комплекс. Эшмесское святилище является памятником однородной группы населения, в элементах духовной культуры которой прослеживается связь с коллективами крайнего севера Уральского региона. Сравнение с культовыми памятниками Северного Приуралья позволяет выделить здесь сакральный центр локальной группы населения и межрегиональное место почитания.

Ключевые слова: северо-восток Европы, средневековье, святилище.

Введение

На севере границы между Европой и Азией известные к настоящему времени святилища располагаются в довольно узкой полосе вдоль обоих склонов Уральских гор и вблизи от них, от бассейна р. Белой на юге до бассейна р. Печоры на севере. В Северном Приуралье шесть культовых памятников эпохи средневековья практически полностью изучены раскопками (рис. 1). Большинство из них представляют собой места жертвоприношений в пещерах Урала и Тиманского кряжа (рис. 1, 1–5). Одно жертвенное место находилось на открытом пространстве Большеземельской тундры (рис. 1, 7). Седьюсская пещера в бассейне р. Ижмы (левый приток Печоры) (рис. 1, 6) разрушена при добыче известняка.

В последние годы вышел ряд работ, обобщающих результаты изучения культовых памятников на смежных с Северным Приуральем территориях, в частности, жертвенных мест горно-лесного Урала [Культовые памятники..., 2004] и горно-лесной полосы Среднего Предуралья [Изосимов, 2007]. Содержа-

тельно сходное исследование проведено на материалах святилищ восточных славян, балтов и финно-угров [Свирин, 2007]. Однако работ, которые в полном объеме представляли бы отдельные памятники, отражающие средневековую культовую практику финно-угорского и самодийского населения Урала и Приуралья, в отечественной научной литературе известно немного. В этой связи публикация комплекса находок из Эшмесской пещеры может оказаться полезной для исследователей средневековой археологии северных территорий Евразии.

Описание памятника

Первые сведения об Эшмесской пещере относятся к 1926 г.* Местный охотник нашел в ней два деревянных изваяния, одно из которых хранится в Национальном музее Республики Коми (рис. 2, 2). Позднее путь к пещере был утерян, и ее местонахождение удалось

*Коми му. – Усть-Сысольск, 1926. – № 5. – С. 49.

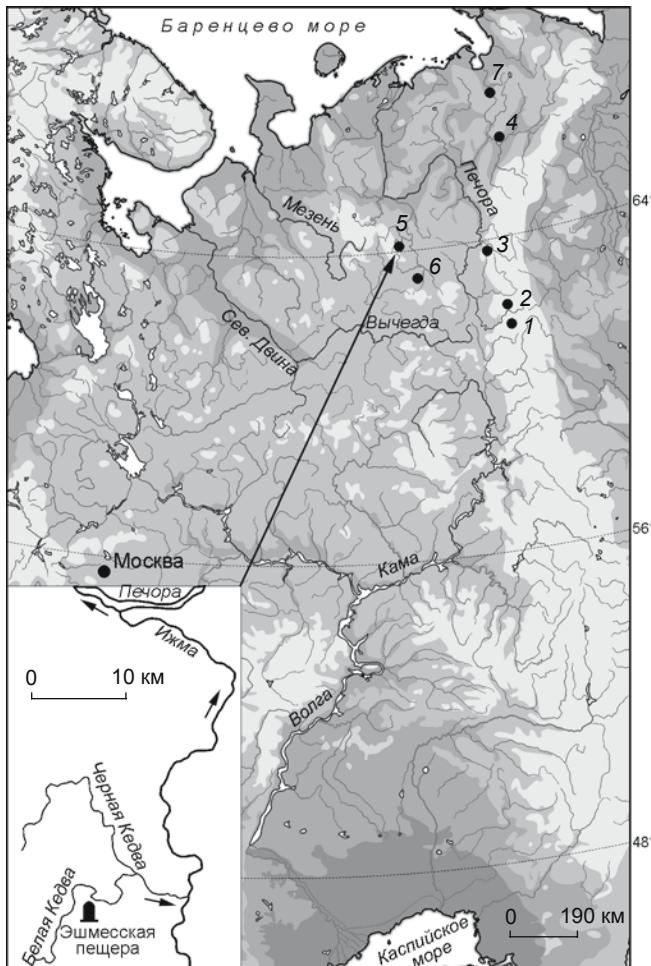

Рис. 1. Расположение средневековых культовых мест на крайнем северо-востоке Европы.

1 – Унинская пещера; 2 – Канинская пещера; 3 – грот Арка; 4 – Адакская пещера; 5 – Эшмесская пещера; 6 – Седьюсская пещера; 7 – Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место.

установить только в 1981 г.* В пещере стояли пять деревянных идолов. Один из них хранится в музее г. Ухты (рис. 2, 1), остальные утрачены. Отложения в пещере были исследованы в 1982 г. [Мурыгин, 1987].

Эшмесская пещера расположена на западном склоне Среднего Тимана, в междуречье р. Белая Кедва и ее правого притока р. Белый Эшмесс (см. рис. 1). Вход в нее расположен на высоте ок. 11 м над уровнем дна долины, ориентирован на запад (рис. 3, Б). Пещера представляет собой небольшой грот, переходящий в узкую щель (рис. 3, А, В). Длина ок. 12 м, ширина 1–4 м, высота 1–3 м; у входа ширина грота 1,7 м. Общая исследованная площадь составила ок. 19 м².

В раскопе культурные остатки залегали под слоем задернованного щебня (мощность до 26 см). Они были приурочены к нижележащему горизонту гумуси-

рованной известковой щебенки с большим содержанием угольков (мощность до 90 см) и к зольно-углистой прослойке (мощность до 14 см), которая включала скопления древесного угля, сгнившую и обугленную древесину – остатки от сгоревшего настила. Прослойка фиксировалась на глубине 14–36 см в толще гумусово-щебнистого горизонта и в его основании (глубина 40–48 см). При входе в пещеру она имела почти четырехугольную форму, сползая по склону в северо-западном направлении. Ниже шел слой известковой щебенки сероватого цвета (мощность до 100 см) с малым содержанием гумуса, залегавший на твердом известковом туффе. В зольно-углистой прослойке расчищены остатки обуглившихся досок или плах, лежавших почти параллельно входу с наклоном наружу. По образцам обугленного дерева с глубины 20–26 см в лаборатории радиоуглеродного датирования ИИМК РАН (г. Санкт-Петербург) получена ¹⁴C-дата 1050 ± 40 л. н. (ЛЕ-2171), или 900 г. н. э.

Вход в пещеру ориентирован таким образом, что солнце попадает в него только во второй половине дня и освещает левую (северную) часть устья грота. Именно в этом месте найдено основное количество металлических изделий (рис. 3, А). Они располагались очень плотно, друг на друге.

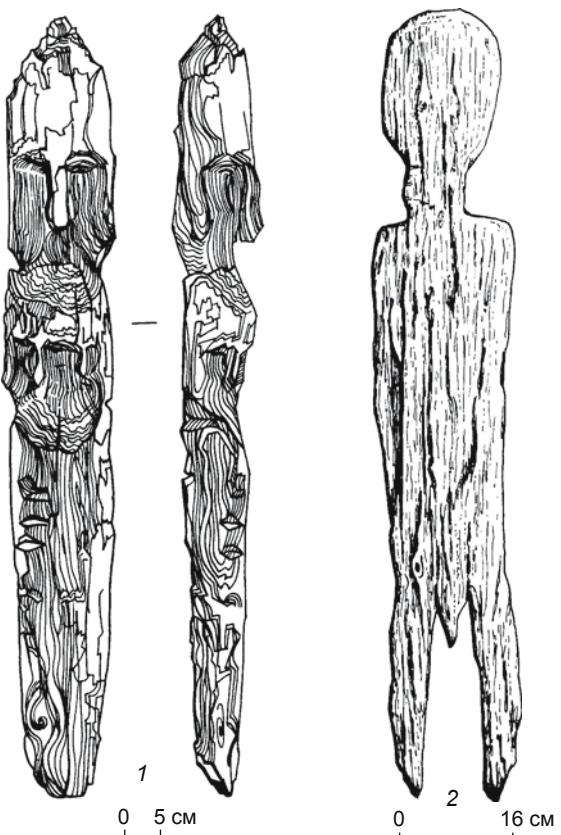
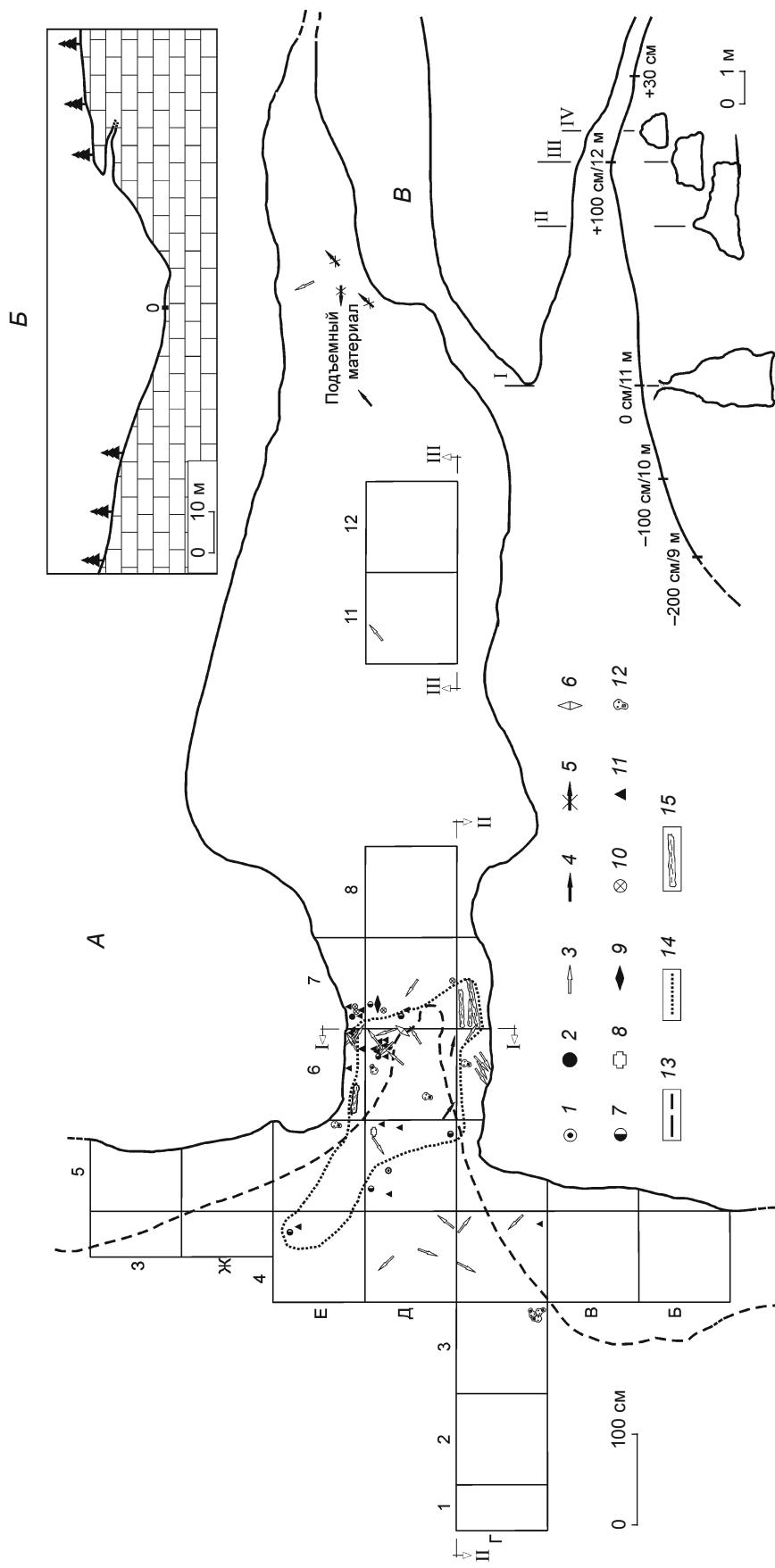

Рис. 2. Деревянные изваяния-идолы.

*Красное знамя. – Сыктывкар, 1981. – 5 мая.

Находки залегали в раскопе на глубине 12–72 см от поверхности, но большая их часть (80,3 %) обнаружена на глубине 12–38 см. Всего при раскопках найдено 23 костяных и один кремневый наконечник стрелы, 36 различных металлических изделий, 80 обломков костей животных, один из которых, возможно, обработан человеком.

В шурфе представлен горизонт сероватой щебенки мощностью 80 см, подстилаемой твердым известковым туфом. Здесь среди кусков щебня обнаружены обломок костяного наконечника стрелы и шесть фрагментов костей животных. В тыльной части грота в поверхностном слое щебня найдены пять сломанных или бракованных костяных наконечников стрел (рис. 3, А).

Вещевой инвентарь памятника

Монеты. Представлены серебряными денарием (рис. 4, 1), чеканенным в период правления Генриха II (1002–1024 гг.) в Оснабрюке (Германия) и являющимся подражанием кельнскому чекану (определение В.М. Потина, г. Санкт-Петербург, Государственный Эрмитаж), а также восточной монетой (рис. 4, 2) с именем халифа ал-Мустакфи (944–946 гг.), чеканенной в Нисабуре (?) (определение И.Г. Добровольского, г. Санкт-Петербург, Государственный Эрмитаж). К этой категории находок можно отнести три круглые подвески, состоящие из бронзовой основы, серебряной накладки той же формы и приклепанного бронзового ушка для подвешивания (рис. 4, 3–5). Накладки являются оттисками с восточных монет. Они сильно затерты, содержание не читается. На серебряной накладке одной из этих подвесок (рис. 4, 3) в золоченом круге* выцарапаны изображения ящера (с прорисовкой линии жизни), голов медведя и собаки (?) и еще один рисунок неясного содержания.

Культовый предмет. Это бронзовое изделие, на котором изображены две стоящие на ящере человеческие фигуры (мужчина и женщина ?) (рис. 4, 8). Аналогичный предмет был найден в с. Коча (бывш. Чердынский уезд Пермской губ.) и опубликован А.А. Спициным, датировавшим его X–XI вв. н.э. [1906, с. 58, рис. 173]. В.А. Оборин отнес этот предмет к VIII–IX вв. н.э. [1976, рис. 61а].

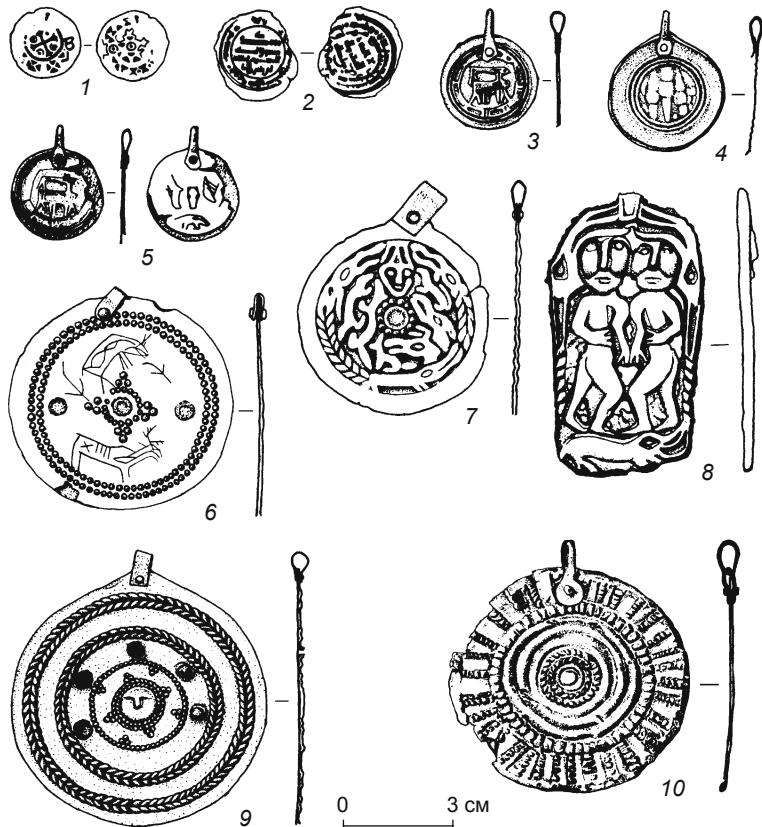

Рис. 4. Металлические изделия.

Подвески. Биметаллические (составные) подвески (8 экз.) состоят из двух плоских круглых пластин – бронзовой основы и серебряной накладки – с приклепанным сверху бронзовым ушком для привешивания (рис. 4, 6, 7, 9, 10). У семи из них рельефные узоры выштампованы одновременно на обеих пластинах (рис. 4, 7, 9, 10), а у одной декор выполнен чеканной техникой только на серебряной накладке (рис. 4, 6).

Пять подвесок аналогичны друг другу, отличаются лишь по количеству тех или иных элементов узора на штампованных серебряных накладках. Они украшены пятью или семью круглыми стеклянными синими бусинами в бронзовых оправах и концентрическими окружностями из ложного шнура-шеврона и мелких «полугорошин», в центре выдавлена человеческая личина, в двух случаях покрыта позолотой (рис. 4, 9).

Три подвески оригинальные. Одна украшена циркульно-лучевым орнаментом (рис. 4, 10). На другой композиция состоит из человеческой личины с тремя выступами вверху, фигурок различных животных, среди которых усматриваются лось, соболь, лисица или заяц; ее оконтуривают по бокам изображения лосиных голов, внизу – ящера (рис. 4, 7). В центре подвески остались следы припая, крепившего утерянную деталь изделия. Аналогичные подвески найдены в Уньинской пещере на р. Унья [Канивец, 1962, рис. 12], в гроте Арка

*На рисунках золочение не отмечено по техническим причинам.

на р. Подчерем в таежном Припечорье [Багин, 2005, рис. 4, 10] и на Хэйбидя-Пэдарском жертвенном месте в Большеземельской тундре [Мурыгин, 1984, рис. 4, 12]. Нахodka из Унынской пещеры датирована X–XI вв. н.э. [Канивец, 1962, с. 118], святилище Арка – концом XI или началом XII в. н.э. [Багин, 2005, с. 64]. Подобные культовые предметы с несколько иным декором обнаружены в Канинской пещере на верхней Печоре и на Хэйбидя-Пэдарском жертвенном месте [Канивец, 1964, рис. 34, 6; Мурыгин, 1984, рис. 4, 11].

Третья оригинальная подвеска (рис. 4, 6) украшена орнаментом из чеканных мелких «полугорошин». На внутреннем поле серебряной накладки остались следы от трех горизонтально расположенных припаев. В верхней и нижней половинах подвески выцарапаны реалистичные изображения оленей с линией жизни. Еще два граффити, с обеих сторон верхнего рисунка, возможно, являются сильно схематизированными изображениями птиц, напоминающими родовые знаки обских угров [Иванов, 1954, рис. 11, 1].

Одночастные подвески по способу крепления подразделяются на четыре группы: 1) с приклепанным ушком, 2) с отверстием, 3) с припаянным ушком, 4) с выступом.

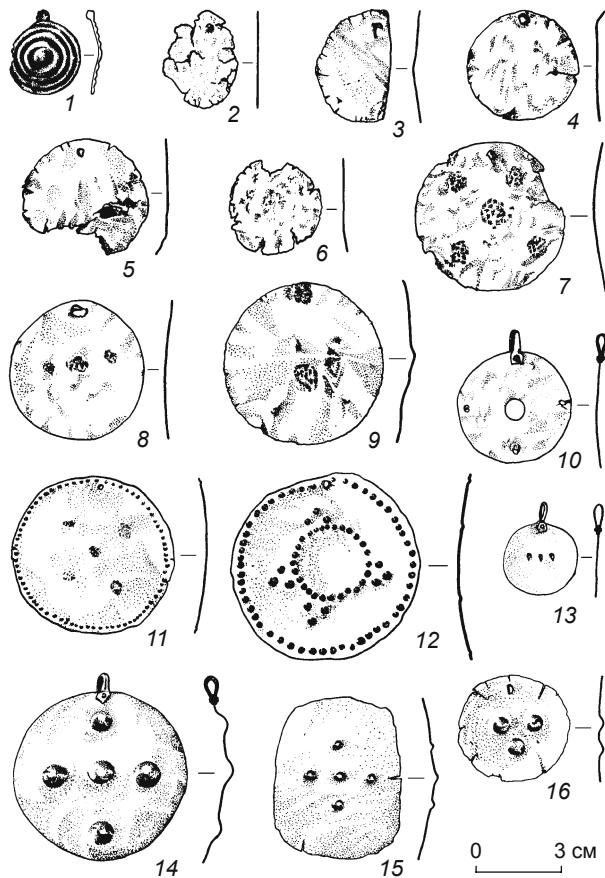

Рис. 5. Металлические подвески.

1. Подвески с бронзовым приклепанным ушком для подвешивания (3 экз.) круглые, плоские. Одна из них бронзовая, с тремя горизонтально расположенными отверстиями, пробитыми острым предметом (рис. 5, 13). Под ушком сохранились остатки от серебряной накладки. Вторая подвеска изготовлена из серебра, имеет три небольших круглых отверстия по краям и одно большое в центре; центральное оконтулено кольцевой золоченой полоской (рис. 5, 10). Третье изделие также серебряное, укращено четырьмя крестообразно расположенными рельефными полушариями (рис. 5, 14); на центральном – золоченое стилизованное изображение медвежьей головы (?).

2. Подвески с пробитым отверстием для подвешивания (13 экз.) изготовлены из серебра. У трех изделий отверстие круглое. Две подвески без орнамента (рис. 5, 2, 3). У трех в центре сохранились остатки позолоты в виде округлых пятен (рис. 5, 4–6). Еще на трех отмечены следы припая от каких-то утраченных деталей, расположенные в горизонтальную линию (рис. 5, 8) и крестообразно (рис. 5, 7, 11). Одна из последних (рис. 5, 11) по краю украшена чеканным точечным ободком, другая (рис. 5, 7) имеет узор в виде позолоченной четырехлепестковой розетки. У одной из плоских подвесок (рис. 5, 16) в центре выдавлены три полушария, между которыми сохранилось золоченое окружное пятно. Выпуклая круглая подвеска (рис. 5, 12) украшена с вогнутой стороны чеканным точечным циркульно-лучевым орнаментом, в центре нанесена золоченая фигура в виде креста. Аналогичные или очень близкие подвескам этой группы изделия найдены только в Печорском Приполярье (Нерицкий могильник X–XI вв. н.э.) [Истомина, 1997, с. 114, рис. 7, 2, 4–6] и Большеземельской тундре (Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место) [Мурыгин, 1992, рис. 11, 3–5, 21, 49, 50].

В данной серии находок представлены три подвески с зоо- и антропоморфными изображениями. Первая из них (рис. 6, 3) выделяется изображенной на ней штамповкой техникой человеческой фигурой в «танцующей» позе, с поднятыми руками и согнутыми в коленях ногами. По краю изделия нанесен рельефный узор, а на лицевой части сохранились остатки позолоты.

Вторая подвеска (рис. 6, 4) украшена рельефным орнаментом в сочетании с граффити и позолотой. В центральной части рельефные кружки образуют позолоченную внутри, крестообразно пересеченную четырехлепестковую розетку. Слева от нее выцарапано изображение лося с прорисованными линией жизни и элементами скелета.

Третья подвеска с обеих сторон покрыта различными граффити (рис. 6, 6). В центральной части вогнутой стороны прослеживается золоченое кольцо. К числу читаемых граффити на этой стороне подвес-

ки относятся стоящая человеческая фигура с лосиной головой, опирающаяся ногами на овальный «камень», и два изображения идущих оленей с прорисовкой линии жизни, утробы, элементов скелета (рис. 6, 6а). Остальные граффити неясны или это случайные царапины. На выпуклой стороне выявлены изображения оленя (с прорисовкой линии жизни и элементов скелета), рыбы и два сложных рисунка, состоящие из фигурок людей (с линиями жизни), ящеров под их ногами и человеколюсей по бокам (рис. 6, 6б).

3. Две серебряные подвески крепились с помощью припаянных к основе ушек, от которых сохранились следы пайки. Одна из них выпуклая, подпрямоугольной формы, украшена узором из крестообразно расположенных рельефных полушарий, вокруг центрального прослеживается округлое золоченое пятно (см. рис. 5, 15). Другая подвеска плоская, круглая, в центре сохранились следы от какой-то припаянной детали, а выше – округлое золоченое пятно (см. рис. 5, 9).

4. Плоская круглая литая подвеска изготовлена из какого-то светлого сплава и имеет в верхней части выступ для крепления (см. рис. 5, 1). Изделие украшено рельефным концентрическим узором.

Накладки. Представлены двумя одинаковыми изделиями из серебряной пластинки подтрапециевидной формы со штампованными изображениями трех медвежьих голов с остатками позолоты и двух лап медведя (см. рис. 6, 1, 2). По краю идет рельефный прямоугольно-рубчатый ободок. На одной накладке (см. рис. 6, 2) остались три круглых следа от пайки, на другой сохранились граффити в виде двух медвежьих голов и между ними фигурки оленя с прорисованными линией жизни и элементами скелета (см. рис. 6, 1).

Бляха. Круглая, изготовлена из серебра*. Украшена рельефным чеканным циркульно-лучевым орнаментом (см. рис. 6, 5). Центральная часть выпуклой стороны изделия, внутри меньшей окружности из рельефных «полугорошин», покрыта позолотой (см. рис. 6, 5а). На вогнутой стороне бляхи выцарапано изображение стоящего оленя с прорисовкой линии жизни и элементов скелета (см. рис. 6, 5б).

Наконечники стрел. Один кремневый, остальные (29 экз.) костяные. Кремневый наконечник ланцето-

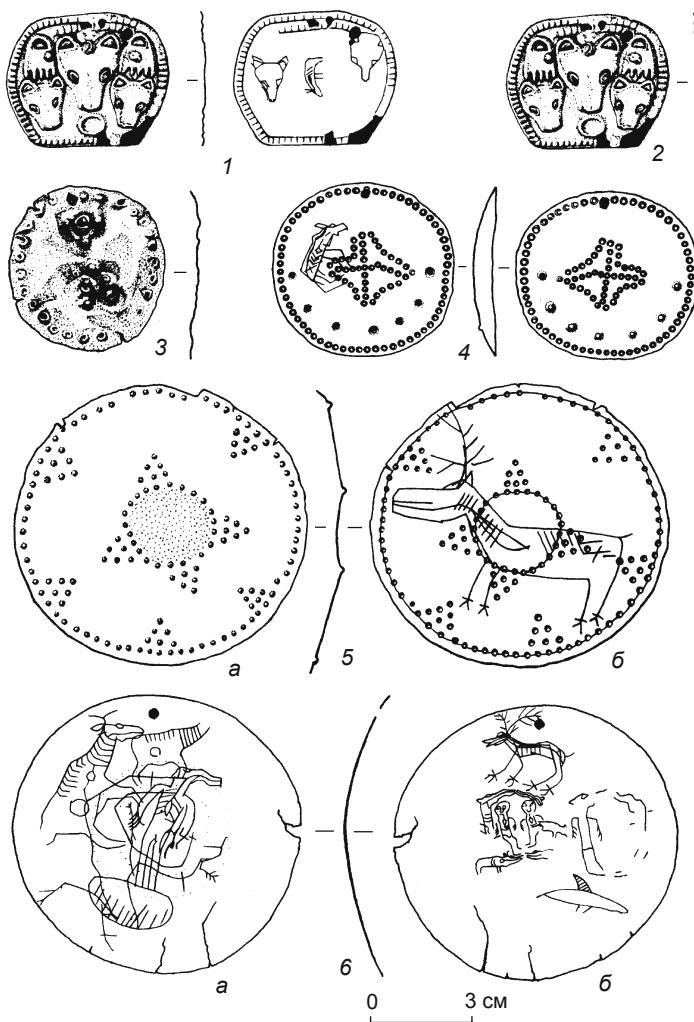

Рис. 6. Металлические изделия.

видный, с усеченным основанием, ромбический в сечении (рис. 7, 1). Такие наконечники характерны для эпохи бронзы [Канивец, 1964, с. 51, 52, рис. 15, 2–6].

Костяные наконечники стрел все черешковые, с четко или неявно выраженным насадом. В качестве заготовок использовались желобчатая и цельная кости. По поперечному сечению выделяются четыре основные группы наконечников стрел: 1) с пером уплощенно-овального сечения, переходящим в ромбическое острье, и черешком, уплощенным срезами с двух сторон (2 экз.; рис. 7, 2, 3); 2) трехгранные, изготовленные из желобчатых костей (4 экз.; рис. 7, 4–7); 3) ромбические из цельной кости (4 экз.; рис. 7, 8–11), у одного экземпляра черешок развернут на 90° относительно плоскости пера (рис. 7, 9); 4) трапециевидные желобчатые с коническим черешком (19 экз.; рис. 7, 12–19). Все разновидности эшмесских наконечников из кости находят аналогии в материалах пещерных жертвенных мест верхней Печоры [Канивец, 1962, 1964; Багин, Чеснокова, 1997].

*Цветной металл из Эшмессской пещеры, в т.ч. эта бляха, был проанализирован в лаборатории лазерного микронализа Института геологии Коми НЦ УрО РАН (исполнитель В.Н. Каликов).

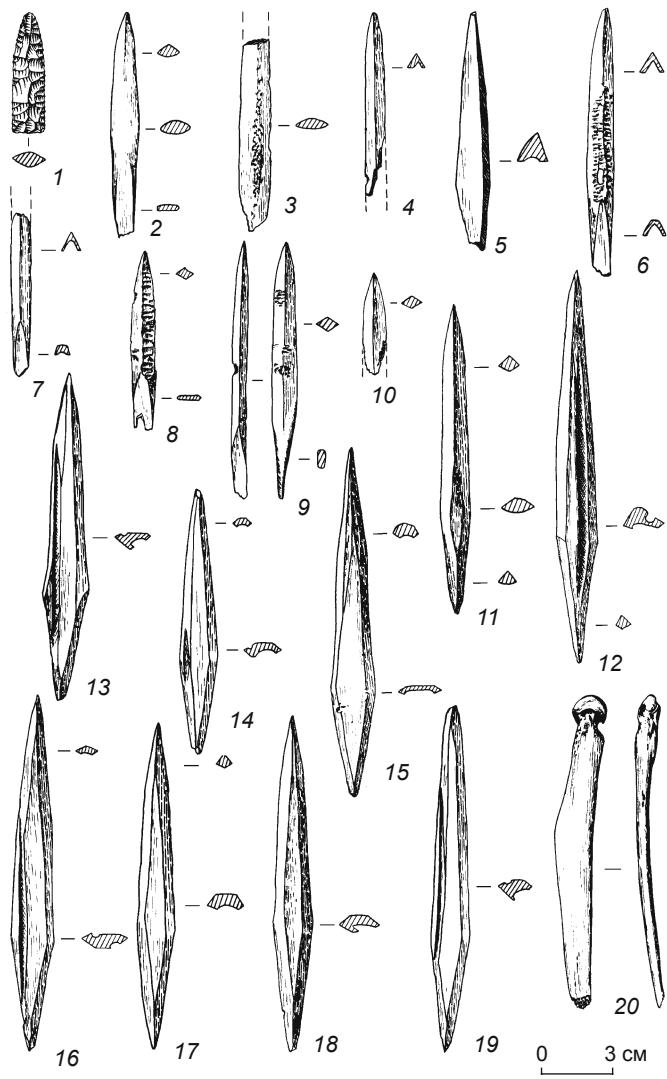

Рис. 7. Наконечники стрел (1–19) и проколка (?).
1 – кремень; 2–20 – кость.

Они являются непременным атрибутом пещерных культовых памятников таежного Припечорья.

К числу прочих костяных изделий из Эшмесской пещеры относится, видимо, проколка (рис. 7, 20).

Антропоморфные идолы. Два изваяния изготовлены из лиственницы. Первое представляет собой доску высотой 120 см в виде мужской фигуры с выраженным признаком пола (см. рис. 2, 2). Голова круглая, без моделировки черт лица, туловище удлиненно-прямоугольное, руки не обозначены, ноги расчленены. По образцу, взятому с тыльной части изваяния (фонды НМРК, инв. № 711), в лаборатории радиоуглеродного датирования ИИМК РАН (г. Санкт-Петербург) получена ^{14}C -дата 1010 ± 40 л.н. (ЛЕ-2169), или 940 г. н.э.

Второе изваяние имеет вид конически заостренного вверху столбика высотой 143 см (см. рис. 2, 1).

В верхней части лицевой стороны высечена крупная личина, под ней на одном уровне – еще две более мелкие спаренные. Ниже прослеживаются четыре насечки. Трактовка лиц схематична: щеки и глазные впадины показаны одной плоскостью, рот не обозначен. По образцу, взятому с основания идола (фонды Ухтинского краеведческого музея, инв. № УКМ/62-КП), в лаборатории радиоуглеродного датирования ИИМК РАН получена ^{14}C -дата 1060 ± 40 л.н. (ЛЕ-2170), или 890 г. н.э.

По классификации С.В. Иванова [1970, с. 284] первое эшмесское изваяние можно отнести ко второму уральскому типу сибирской антропоморфной скульптуры, который характеризуется, в частности, отсутствием у фигур рук и расчлененными ногами. Второй эшмесский идол близок к западно-арктическому типу деревянных изваяний с многоэтажным расположением нескольких голов или лиц.

Датировка памятника

Эшмесская пещера является единственным на территории Северного Приуралья средневековым святилищем с не затронутым позднейшими нарушениями культурным слоем и достаточно точной узкой датировкой всей коллекции. Металлические изделия датируются по восточной монете второй четверти X в. н.э. и денарию первой четверти XI в. н.э., а культурный слой – радиоуглеродным методом по обугленной древесине из отложений – 900 г. н.э. По-видимому, жертвенный комплекс в пещере сформировался в течение не очень длительного времени, во всяком случае его основная, функционально значимая часть.

Входящие в него вещи отложились главным образом на рубеже I–II тыс. н.э. и могут быть датированы X–XI вв. н.э. Поскольку деревянные идолы относятся практически к тому же времени (890 и 940 гг. н.э.), что и жертвенный комплекс из культурного слоя, их включение в единое целое вполне оправданно.

Обсуждение материалов

Помимо Эшмесского святилища, на крайнем северо-востоке Европы известны жертвенные места в Канинской, Уньинской и Адакской пещерах, гроте Арка в бассейне р. Печоры (см. рис. 1, 1–5) [Канивец, 1962, 1964; Рябцева, Семёнов, 1990; Павлов, Любашков, 1998; Багин, 2005]. В Большеземельской тундре исследовано Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место (см. рис. 1, 7) [Чернов, 1955; Мурыгин, 1984, 1987].

Культурный слой североуральских святилищ отложился в основном в эпоху средневековья*.

Вещевые приношения состояли из костяных, меньше – металлических, наконечников стрел, различных бронзовых, серебряных, стеклянных украшений, среднеазиатских и германских серебряных монет, бытовых предметов и орудий труда, глиняной посуды, реже – оружия. Для украшений, найденных на Хэйбидя-Пэдарском жертвенном месте, в Канинской и Уньинской пещерах, типична фрагментарность – большинство из них сломаны или представлены отдельными деталями. Многочисленны неидентифицируемые пластинки, обломки и обрезки металла (Канинская – 44,2 %, Уньинская – 40,3, Хэйбидя-Пэдара – 69,1 %). Только в Эшмесской пещере все изделия целые. Характерной чертой является использование предметов более ранних эпох в качестве приношений на средневековые жертвенные места. В их число входят единичные кости мамонта, преимущественно фрагменты бивней и пластинки зубов (Канинская, Адакская пещеры), кремневые наконечники стрел (Эшмес, Арка), металлические вещи (Хэйбидя-Пэдара). Предметы непосредственно культового назначения представлены литыми и штампованными изображениями реальных и фантастических животных, антропоморфными и зоантропоморфными фигурами (некоторые из них повторены в граффити). Основным материалом для изготовления этих вещей служила бронза. На серебряные изделия наносились граффити, рельефные изображения, золоченые символы.

Существенную долю в общем количестве находок с жертвенных мест составляют остеологические материалы. При этом типичными являются черепа (или их фрагменты) медведя (*Ursus arctos* L.), оленя (*Rangifer tarandus* L.) и бобра (*Castor fiber* L.) – от 81,1 до 93,3 % от числа костей животных данных видов. Подавляющее большинство определимых остатков принадлежит млекопитающим. Наибольшим видовым разнообразием отличаются остеологические материалы Канинской и Уньинской пещер. В них преобладают кости пушных икопытных животных. В Канинской пещере костные остатки медведя (*Ursus arctos* L.) составляют 38,3 %, среди них доминируют кости черепа и близкий к нему позвонок (87,7 % от общего количества костей медведя). Немногочисленны костные остатки лося (*Alces alces* L.), бобра (*Castor fiber* L.), полевки водяной (*Arvicola terrestris* sp.), зайца (*Lepus timidus* L.), белки (*Sciurus vulgaris* L.), северного оленя (*Rangifer tarandus* L.) и др.

*В Канинской, Уньинской и Адакской пещерах имеются также следы посещений в эпоху бронзы и раннем железном веке. Отложения в гроте Арка нарушены, культурный слой частью разрушен, коллекция малоинформативная и далее в полном объеме не рассматривается.

Домашние животные представлены костями лошади, овцы, коровы, свиньи (*Equus caballus*, *Ovis aries*, *Bos taurus*, *Sus scrofa domestica*) – всего 0,8 %. Для Уньинской пещеры характерны костные остатки северного оленя (*Rangifer tarandus* L.) – 33,8 %. Меньше представлены бобр (*Castor fiber* L.), медведь (*Ursus arctos* L.), куница (*Martes martes* L.) и др. Костей домашних животных: лошади (*Equus caballus*), овцы (*Ovis aries*) – всего 2,7 %.

Не так многочисленны и разнообразны по видовому составу фаунистические материалы из Хэйбидя-Пэдара и Эшмесской пещеры*. Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место выделяется абсолютным преобладанием костных остатков северного оленя (*Rangifer tarandus* L., 93,3 %) и наличием костей собаки (*Canis familiaris*, 5,0 %), отсутствующих в святилищах таежного Припечорья. Среди костных остатков оленя доминируют черепа и их фрагменты (81,1 % от числа костей оленя из раскопок 1987 г.). На этом памятнике очень мало костных остатков домашних животных (лошадь, овца (?)) – *Equus caballus*, *Ovis aries* (?); всего 0,2 %) и медведя (*Ursus arctos* L.; клыки и верхняя челюсть – 0,9 %). Из пушных животных здесь представлена только росомаха (*Gulo gulo* L., 0,4 %). Для остеологического материала Эшмесской пещеры характерно высокое содержание костей бобра (*Castor fiber* L., 81,8 %), среди которых черепа и их фрагменты составляют 93,3 %. Обращает на себя внимание отсутствие здесь костных остатков домашних животных и медведя, немногочисленность костей северного оленя (*Rangifer tarandus* L., 5,5 %) и пушных зверей – волка (*Canis lupus* L., 1,8 %), зайца (*Lepus timidus* L., 10,9 %). Напротив, в остеологических материалах Канинской и Уньинской пещер пушные животные имели большой удельный вес (соответственно 30,6 и 45,7 % костей млекопитающих).

Орнито- и ихтиофауна в Эшмесской пещере не представлена. На Хэйбидя-Пэдарском жертвенном месте найдены только единичные косточки птиц. В фаунистических материалах Канинской и Уньинской пещер костные остатки промысловых птиц занимают значительное место, есть и кости рыб. Кроме этого, в средневековом слое Уньинской пещеры найдены человеческие зубы и фаланги пальцев, принадлежавшие не менее чем двум индивидам [Канивец, 1964, с. 130, 131].

Очевидно, что, несмотря на функциональную идентичность памятников как мест совершения древ-

*Кости животных из Эшмесской пещеры и из раскопок 1967 г. на Хэйбидя-Пэдарском жертвенном месте определены В.П. Данильченко (Институт археологии РАН, г. Москва), из раскопок 1987 г. на Хэйбидя-Пэдарском жертвенном месте – П.А. Косинцевым (Институт экологии УрО РАН, г. Екатеринбург).

них языческих обрядов, между ними существует разница в наборе вещей утилитарного назначения, составе непосредственно культового инвентаря, выборе жертвенных животных. Более всего от других культовых памятников Северного Приуралья отличается Эшмесская пещера. В ней нет таких приношений, как сломанные украшения, орудия труда и бытовые предметы, керамика, многочисленных и разнообразных фаунистических остатков, типичных для других жертвенных мест Печорского Приуралья. Для этого памятника характерно крайне ограниченное число находок. Святилище расположено в очень уединенном месте, вдали от основных речных магистралей. В «эшмесском» культе предпочтение перед другими видами жертвенных животных отдавалось бобру.

Не случаен, видимо, подбор металлических атрибутов культа с выраженной солярной символикой. Она проявляется через характерную форму золочения предметов (круги, кольца, кресты, четырехлепестковые розетки), циркульно-лучевой и крестообразный вид штампованных геометрических узоров, круглую форму большинства металлических изделий, а также в выборе оленя как одного из центральных образов зооморфных граффити, в золочении и расположении человеческой личины в центре круглых серебряных подвесок. Об этом же свидетельствуют скопление находок на солнечной стороне входной части пещеры, использование серебра для изготовления большинства предметов культа (90,6 %).

Символика некоторых эшмессских находок выявляется при обращении к мифологии народов Сибири [Мурыгин, 1985]. Не останавливаясь на мифологических параллелях эшмесскому металлу, отметим, что они позволяют предполагать проведение в пещере ритуала общения с небесным Верхним миром, олицетворенном в зооморфном образе солнечного оленя-лося. В этом отношении интересна серебряная подвеска с золоченым диском в центре, основное место на которой занимает изображение оленя (см. рис. 6, 5).

Если обратиться к стилистическим особенностям эшмессских граффити, то наиболее выразительной из них является прорисовка внутренностей. Судя по материалам В.Н. Чернецова [1972, с. 50, 51], этот изобразительный прием был выработан в среде приполярного населения, сохранившего этнические черты древних уральцев вплоть до средневековья. Аналогичной точки зрения фактически придерживается Ю.Б. Симченко. На основе изучения большого этнографического материала он отнес обычай изображать линию жизни к воззрениям древних охотников на дикого северного оленя [Симченко, 1976, с. 262, рис. 22]. Не случайно, что граффити и культовое литье, изображающие оленей, на территории Северного Приуралья, кроме Эшмесской пещеры, обнаружены только в Заполярье – на Хэйбидя-Пэдарском жертвенном месте.

Характерно также, что деревянная антропоморфная скульптура западно-арктического типа, к которой близок эшмесский идол с поэтажным расположением лиц, известна именно по этнографии северных народов – ненцев, северных хантов, нганасан, энцев, селькупов, приенисейских эвенков [Иванов, 1970, с. 284]. В.И. Мошинская отмечала, что такого типа многоглавые изображения, выполненные из дерева и других материалов, широко распространены в Сибири, а за ее пределами – в арктической зоне [1976, с. 48].

По всей видимости, истоки сакральных представлений о мире у оставивших Эшмесское святилище коллективов следует искать в воззрениях древних этносов западно-сибирского (нижнеобского) происхождения, европейская периферия культурного ареала которых, вероятно, уже с энеолита и вплоть до средневековья включала субарктические и арктические районы Северного Приуралья в качестве территорий не только посещения, но и постоянного обитания [Мурыгин, 2004, 2006].

Заключение

Приведенные данные позволяют считать Эшмесскую пещеру святилищем группы населения, в элементах духовной культуры которой просматриваются черты сходства с коллективами обско-печорского севера (древнеугорскими или древнесамодийскими). Выраженное единство эшмесского металла дает основание предполагать, что эти вещи в совокупности представляют собой не случайный набор предметов, а сознательно и целенаправленно подобранный культовый комплект, сформированный в течение относительно непродолжительного времени (где-то на рубеже X–XI вв. н. э.). Он мог являться остатками облачения шамана (?) как посредника между миром людей и миром духов. В пользу данного предположения свидетельствует серебряная подвеска с золочением, на которой изображен человек в реалистично переданной «танцующей» позе. Не исключено, что это стилизованное изображение шамана, совершающего ритуальные действия перед идолами и испрашивающего у духов-покровителей благополучия для своего народа.

Средневековый комплекс артефактов из Адакской, Канинской и Унынской пещер, Хэйбидя-Пэдары формировался на протяжении середины I тыс. н.э. – XIII или XIV вв. н.э. Он содержит разновременный, многочисленный и разнообразный по составу и в культурном отношении инвентарь, в своей совокупности значительно отличающийся от найденного в Эшмесской пещере. Все это делает практически невозможным достоверное выделение на его основе культового комплекта, функционально идентичного эшмесскому.

Выявленная разница в материалах жертвенных мест, объясняемая, видимо, как региональной спецификой культа, так и культурными отличиями населения, позволяет наметить два типа средневековых памятников этой категории в Северном Приуралье. Первый представлен материалами Эшмесской пещеры. Это святилища, на которых древние языческие обряды совершились избранным представителем аборигенного населения. Пещера могла служить ритуальным местом для небольшой группы либо сакральным центром для достаточно широкого круга коллективов, связанных между собой общими чертами материальной и духовной культуры. В этом же ряду небольших, скрытых от посторонних глаз святилищ, возможно, следует рассматривать и гrot Арка.

Второй тип характеризуется материалами Канинской, Уньинской, Адакской пещер, Хэйбидя-Пэдары. Это места почитания, отражающие особенности традиционного культа как местного, так и пришлого населения. Они существовали на протяжении нескольких столетий и были известны многим поколениям разноэтничного населения Северного Приуралья и Обского Зауралья. Сакральные действия на этих жертвенных местах имели индивидуальный характер и совершались любым человеком.

Список литературы

Багин А.Л. Скальное святилище Арка в Среднем Причорье // Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. – Сыктывкар, 2005. – Вып. 17: Памятники эпохи камня, раннего металла и средневековья Европейского Северо-Востока. – С. 62–68.

Багин А.Л., Чеснокова Н.Н. Костяные наконечники стрел из печорских пещерных святилищ (первая половина I тыс. н.э. – первая треть II тыс. н.э.) // Проблемы истории России XVIII–XX вв.: науч. чтения памяти проф. Ю.Д. Марголиса. – Сыктывкар: Изд-во Сыктывкар. гос. ун-та, 1997. – С. 140–162.

Иванов С.В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – начала XX в.: Сюжетный рисунок и другие виды изображений на плоскости. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. – 838 с. – (ТИЭ. Нов. сер.; т. 22).

Иванов С.В. Скульптура народов севера Сибири XIX – первой половины XX в. – Л.: Наука, 1970. – 295 с.

Изосимов Д.А. Культовые памятники населения горно-лесной полосы среднего Предуралья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2007. – 21 с.

Истомина Т.В. Нерицкий могильник // Проблемы истории России XVIII–XX веков: науч. чтения памяти проф. Ю.Д. Марголиса. – Сыктывкар: Изд-во Сыктывкар. гос. ун-та, 1997. – С. 106–120.

Канивец В.И. Первые результаты раскопок в Уньинской пещере // Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. – Сыктывкар, 1962. – Вып. 1. – С. 103–144.

Канивец В.И. Канинская пещера. – М.: Наука, 1964. – 136 с.

Культовые памятники горно-лесного Урала / В.Д. Викторова, В.Н. Широков, С.Е. Чаиркин, Ю.Б. Сериков, А.Ф. Шорин, Н.А. Алексашенко, Н.М. Чаиркина, В.Ф. Кернер, Р.Б. Волков. – Екатеринбург: УрО РАН, 2004. – 429 с.

Мошинская В.И. Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. – М.: Наука, 1976. – 130 с.

Мурыгин А.М. Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место. – Сыктывкар: Изд-во Коми фил. АН СССР, 1984. – 51 с. – (Науч. докл. Коми фил. АН СССР; вып. 114).

Мурыгин А.М. Культовый комплекс Эшмесской пещеры в сопоставлении с мифологическими преданиями народов Сибири // Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1985. – С. 99–103.

Мурыгин А.М. Древнее святилище в Эшмесской пещере: Материальная и духовная культура населения Европейского Северо-Востока // Тр. ИЯЛИ Коми НЦ УрО АН СССР. – Сыктывкар, 1987. – Вып. 39. – С. 35–41.

Мурыгин А.М. Печорское Приуралье: эпоха средневековья. – М.: Наука, 1992. – 182 с.

Мурыгин А.М. Западносибирский компонент на крайнем северо-востоке Европы: ареал посещения или многовекового обитания // Материалы науч.-практ. конф. «IV Берсовские чтения». – Екатеринбург, 2004. – С. 207–224.

Мурыгин А.М. Крайний северо-восток европейской части России в раннем средневековье (по данным археологии) // Современные проблемы археологии России: мат-лы Всерос. археол. съезда. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. 2. – С. 267–269.

Оборин В.А. Древнее искусство народов Прикамья: Пермский звериный стиль. – Пермь: Кн. изд-во, 1976. – 190 с.

Павлов П.Ю., Любашков С.В. Пещерное жертвенное место в нижнем течении р. Подчерьем // Геолого-археологические исследования в Тимано-Североуральском регионе: докл. 1-й науч. конф. ФЦП «Интеграция». – Сыктывкар, 1998. – Т. 1. – С. 83–84.

Рябцева Е.Н., Семёнов В.А. Адакское пещерное святилище на реке Усе и проблемы освоения Полярного Урала // КСИА. – 1990. – Вып. 200: Двести лет арктической археологии. – С. 66–72.

Свирин К.М. Святилища-жертвеники на территории Восточной Европы VI–XIII вв. // Вестн. Твер. гос. ун-та. Сер. История. – 2007. – № 26 (54), вып. 4. – С. 47–58.

Симченко Ю.Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии. – М.: Наука, 1976. – 310 с.

Спицин А.А. Шаманские изображения // Зап. отд. рус. и славян. археологии Рус. археол. об-ва. – 1906. – Т. 8, вып. 1. – С. 29–145.

Чернецов В.Н. Наскальные изображения Уральского ареала // Проблемы археологии и древней истории угров. – М.: Наука, 1972. – С. 32–55.

Чернов Г.А. Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место в Большеземельской тундре // СА. – 1955. – № 23. – С. 291–320.